

ная за всю историю существования сумма активных и пассивных знаний о внешнем порядке вещей и о внутреннем мире человека.

Исследование фразеологических единиц в дискурсивном ключе играет значительную роль в выявлении национально-культурных и коммуникативно-трансляционных особенностей русского этноса. Внутренняя форма фразеологических единиц содержит элементы национально-культурного плана, так как фразеологизмы возникают на основе образного представления о действительности, отображающего исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями, верованиями, обычаями, взглядом на мир и его народной интерпретацией во всей широте оценочной амплитуды.

Литература

Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М., 2009.

Концептуализация как процесс и его результаты: национально-культурные и индивидуально-авторские особенности: монография / под ред. Л.А. Исаевой. Краснодар, 2008.

ВНУТРИ- И ВНЕШЕСИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РЕЛЯТИВНОСТИ

Т.Н. Скокова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
университет
Skokova@bsu.edu.ru

Предлагаемый в статье когнитивно-релятивный подход подчинён проникновению в сущность процессов построения грамматических структур, их модификаций, выявлению когнитивно-коммуникативных механизмов их порождения. «Грамматические значения в гораздо большей степени, чем лексические, испытывают в своем формировании внутрисистемные влияния, поскольку они прежде всего формиру-

ют внутреннюю упорядоченность, т.е. структуру языка как некоторой системы» (Солнцев В.М., 1974: 9). Не менее значительны и внешнесистемные воздействия, которые совместно с внутрисистемными связями способны сообщать грамматическим категориям коннотативный смысл.

Грамматическая коннотация – это, с одной стороны, структурирующая сущность, связывающая мыслительные образы с языковой системой, а с другой – информация, получаемая логическим путем на основании знания, обозначаемого этой структурой фрагмента реальной действительности. Такая интерпретация основывается на понимании языка как знаковой системы, объективирующей структуры знания и действующей как система познания (Белявская Е.Г., Ревзина О.Г., Фурс Л.А.).

По словам Л.А. Фурс, «результаты осмысления информации на уровне восприятия получают репрезентацию посредством выбора слов и синтаксических конструкций» (Фурс Л.А., 2004: 14). Так, «инклюзивный мыслительный образ» сложноподчиненных предложений, для которых характерно наложение семантического включения на синтаксическое, предопределяется природой структуры, объективно предполагающей наличие оппозиции «включающее – включаемое», т.е. является системоприобретенным в отличие от грамматического как системообразующего, этот коннотативный элемент является составным элементом грамматической семантики. Например, в придаточных предложениях релятивы *кто, что, wer, was* («die globalen Relativ – Junktoren» (Weinrich H., 1993: 773) привносят *неопределенно-обобщенную семантику*, включают содержание придаточного в содержание главного, имеющего диапазон «всё возможное». Включающее при этом реализует такое когнитивное значение, как «память». Многие подобные предложения являются дефинициями, сентенциями, пословицами: *Кто не работает, тот не ест; Надеяться на Бога есть единственный способ в него верить, и потому кто не молится, тот не верит* (Чаадаев. «Статьи»); *Что посеешь, то и пожнешь; Wer rastet, der rostet; Was man sät, das erntet man.* Включаемое также имплицитно «генерализованное» знание, которое разделяется всеми и является общим достоянием. Для говорящего информация, содержащаяся во включаемом, характеризуется как надежная, представляющая собой норму, закон, правило: *Кто ясно мыслит, тот ясно излагает; Wer die nötigen Kenntnisse besitzt, der kann die Fragen beantworten.*

Пространство включаемого имеет часто также значение конкретности, не согласующегося с нормой положения вещей, выражает сопутствующий признак: *Кто чрезмерно доказывает, тот ничего не доказывает; Wer aus Liebe heiratet, krepirt aus Wut.* В придаточном с релятивом **что, dass** (Inhalts – Konjunktion) выражается включение в том случае, если перед ним употребляется коррелят-существительное, имплицитное такое значение, как **факт, мысль, идея, дело, die Tatsache, der Gedanke, die Idee, die Sache** и др., а включаемое реализует ретроспективную направленность на пространство включающего, где оно функционирует чаще всего в сфере абстрактных, общих понятий: *...устанавливаешь только моральный факт..., что некоторые народы и некоторые личности обладают такими знаниями, которых нет у других народов и у других личностей* (Чаадаев, «Философские письма»; *Und der Gedanke, dass er eine gewisse Anwartschaft hatte auf das Amt des Richters, machte ihm Unbehagen* (Feuchtwanger, «Jefta und seine Tochter»).

Большинство из этих единиц сами обозначают когнитивное состояние, осуществляющее референцию к внутренним процессам включения данного опыта в систему знаний, а придаточное предложение, являясь включаемым содержанием, представляет собой комментирование когнитивной обработки информации. В приведенных примерах включающее и включаемое характеризуются, следовательно, различным типом информации. С информацией же, по мнению Е.С. Кубряковой, «облигаторно связана любая дискурсивная деятельность», которая имеет те или иные когнитивные основания (Кубрякова Е.С., 2009: 6). С помощью грамматических коннотаций демонстрируется то, как преломляются отношения действительности в сознании человека, как человек воспринимает эти отношения, как реагирует и воздействует на них. Более того, грамматические значения «отображают способ и характер представления структурированной картины мира в этноязыковом сознании» (Алефиренко Н.Ф., 2008: 89).

Предметом анализа стала группа сложноподчиненных предложений в русском и немецком языках, придаточные части которых относятся ко всему главному предложению, а также предложения «корреляционного» типа, т.е. с придаточным, относящимся к одному члену в главном.

При этом особого внимания заслуживают (1) процессы концептуализации; (2) когнитивные модели, определяющие процессы выраже-

ния определенного отношения; (3) принципы организации семантико-грамматической парадигмы. При обсуждении концептуальных основ синтаксических структур понятие «конструирование» применяется «в связи с возможностью по-разному организовывать информацию о событиях реального мира» (Фурс Л.А., 2009:286). Шт. Хаузер в этой связи пишет: «Das mentale Modell vermittelt die Repräsentation mit den Beständen des Vorwissens (des Welt- und Erfahrungswissens) (Hauser Stefan, 2004: 409).

Отправными точками данного исследовательского поиска служат следующие положения: а) СПП как когнитивная структура, репрезентирующая проекцию пространства «включаемого» и пространства «включающего» на интегрированное концептуальное пространство «отношение включения»; б) объектом когнитивного моделирования являются компоненты общеграмматического значения «включение». Релятивность является основной причиной варьирования типов связи в СПП. Как отмечает Н.А. Кобрина, «формирование сложноподчиненного предложения (в отличие от простого) происходит не только на основе структуры и лексического наполнения предикативных единиц, входящих в его состав, но также и на основе реляционных моментов, т.е. специфики сочетаемости частей предложения, в их взаимодействии, взаимной отнесенности» (Кобрина Н.А. и др., 2007: 336). На важность определения типов связи между предикативными единицами в рамках сложного синтаксического целого как символических коррелятов результатов процессов концептуализации и категоризации внешнего мира, происходящих в сознании человека мыслящего и говорящего, указывают и многие другие авторы (Якобсон Р.О., 1998; Вежбицкая А., 1999; Рассел К., 1999; Кобрина Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А., 2007) и др.

Первую группу анализируемых структур составили предложения в русском языке с релятивами *тем, что, при том, что, в то время как, по мере того как, всякий раз, как, когда бы ни*, в немецком – *indem, wobei, während, indessen, indes, sooft*.

Наиболее характерно отношение включения для предложений с такими релятивами, как: *тем, что, indem*, значение которого не потеряло связи с прямыми значениями включения. При одном субъекте в главном и придаточном оба предложения находятся в том же временном отношении и содержание одного предложения включает содержание другого. Это согласуется с положением о том, что с помощью

включения осуществляется устранение оппозиции между некоторыми членами относительно лица, пространства и времени (Греймас А.Ж., Курте Ж., 1983). Релятив используется для включения предложений, которые характеризуют сопутствующие обстоятельства события, выражаемого в главном предложении («die Mittel und Begleitumstände des Hauptsatzes charakterisieren» (Erben J., 1963:142); «der begleitende Umstand» (Jung W., 1966: 70). Более важным является то, что включается в главное, однако при этом не теряется значение одновременности, оно как будто «резонирует» со значением включения: ...*ma tout час даст знать о себе тем, что оставит мне письмо в одном месте...* (Достоевский, «Белые ночи»), ...*er wurde dafür bestraft, indem er nicht einen Pfennig ausgezahlt bekam* (Neutsch, «Spur der Steine»).

Позиция после главного предложения, как мы установили, является наиболее распространенной (75,4% случаев). Примеры показывают, что включаемое характеризует событие, описываемое в главном предложении, осуществляет знакомство когнитивного субъекта с определенным опытом, относясь к части главного предложения, придаточное включает квант информации в больший блок: *Когда же я очнулась, то начала прямо тем, что положила свой узелок к нему на постель...* (Достоевский, «Белые ночи»), *Deshalb ist sie gezwungen, sich gegen Grobheiten zu wehren, sie versucht es, indem sie schreit, sich auf die Lippen beißt, sobald ihr Gejammer nicht mehr hilft* (Neutsch, «Spur der Steine»).

Наличие релятивов *в то время как, по мере того как, всякий раз, как, während, wobei, indessen, indes, derweil, dieweil* свидетельствуют о включенности информации главного и придаточного предложений в единый блок информации. В этой связи их можно сравнивать с квазисочинительными предложениями: *Ибо по мере того, как переходя из рук в руки, истрепывалась книжка «Современника» с романом, чары Чернышевского слабели* (Набоков, «Дар»), *In allem, was sie tat, paarte sich Übermut und Grazie, während ihre lachenden braunen Augen eine große natürliche Klugheit und viel Lebenslust und Herzengüte verrieten* (Fontane, «Effi Briest»). Предложения с данными союзами являются инклюзивными, однако смыслы придаточной и главной частей соотносятся во временном плане таким образом, что их «хронотопы» совпадают, из двух одновременно происходящих событий одно выступает как часть другого, усиливает значение того подчинительного от-

ношения, которое включается: *И всякий раз, как вижу его, я чувствую проходящую по всему становому столбу горячую дрожь...* (Набоков, «Дар»), *Und als sie auf einem anderen Weg zum Haus zurückkehrt, wobei sie von dem beseligenden Vorzug ländlichen Freiheit Gebrauch machte, in ungebundener, schwelgerischen Einsamkeit von Ort zu Ort zu wandern, beschloß sie...* (Austen, «Gefühl mit Verstand»).

Грамматические категории могут подвергаться внутреннему воздействию, при котором на грамматическое значение влияет наполняющий структурно-грамматическую модель лексический материал, и внешнему лексико-семантическому влиянию, когда грамматическое значение зависит от лексической семантики слов компонентов, составляющих сложное целое (Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г., 2004: 74). Семантика структурной модели обусловлена общностью денотативной направленности (включение одного события (содержания), которое кодируется в придаточном предложении, в другое, представленное в главном предложении, при этом иерархия связей находится в отношениях взаимообусловленности. (О взаимодействии между лексической семантикой слов и синтаксической структурой писали: Л. Теньер, С.Д. Кацнельсон, Е. С. Кубрякова, Ю.Д. Апресян, Г. Гивон и др.)

Как грамматическая семантика рассматриваемых нами структур подвергается модулирующему влиянию лексических компонентов, можно увидеть на примере анализа предложений второй группы.

Для пространства включающего характерна «*семантическая недостаточность*» и необходимость ее восполнения на синтагматическом уровне включаемого. Так, для предложений с кванторным словом, указывающим на количество тех или иных предметов, но самим эти предметы конкретно не выделяющим, возможно выражение нетотальности. Включающее представлено при этом: местоимением (**многие, немногие, viele, einige** и др.): *За каждым предметом в природе имеется нечто, что вкладывается в него нашим умом или нашим воображением* (Чаадаев. «Статьи»); *... einige andere noch, deren Funktionen Horrath unbekannt bleiben* (Neutsch, «Spur der Steine»); числительным с существительным, субстантивированным числительным, словом обобщенной семантики; именем, обозначающим множественность, а также именем собирательным, вещественным или родовым и пр.: *Vom с чем имеем дело мы, мы, которые живем лишь со вчерашнего дня, мы, ни один орган которых, в том числе даже память, достаточно не упражнялся и не развивался* (Чаадаев, «Статьи»); *Hunderte, die auf der Straße waren,*

reiheten sich spontan in den Zug... (Aritz, «Der Regenbogen») и др. Следует заметить, что нетотальность предполагает возможность включения в «тотальное» множество, поэтому включение в «нетотальное» множество – это вторичное включение.

Дескрипторами *тотальности* **все, всякий, каждый, любой, никто, всегда, alle, sämtliche, niemand, keiner, immer** и др. выражается способность включающего имплицировать ситуацию, осуществлять референцию на совокупность явлений или полноту охвата «инклюзивного мыслительного образа»: *Движение необъятное, вот все, что предстает ему везде* (Чаадаев, «Статьи»); *Alle, die dem Stamm angehörten, waren ein einziges...* (Feuchtwanger, «Jefta und seine Tochter»). С помощью этих дескрипторов выражается такая ментальная тотальность, которая определена в нашем сознании как область максимальной определенности, на которую распространяется внимание.

Таким образом, классификация рассматриваемых СПП может быть представлена как двуплановая, связанная с разными видами внутренней лексико-семантической детерминации – моделирующей и регламентирующей, когда значение структурной схемы реализуется в отдельных семантико-грамматических вариантах, а грамматическая семантика подвергается моделирующему влиянию лексического значения компонентов. Исходя из того, что современная когнитология знает несколько способов категоризации мира и один из них – категоризация действительности путем фильтрации свойств познаваемого сквозь сеть категориальных признаков – исходит из классического понимания категории как совокупности наиболее существенных признаков (Алефиренко Н.Ф., 2008: 97), приходим к следующим **выводам**: конструкции с отношением включения имеют общие признаки, позволяющие рассматривать это отношение как особую семантико-синтаксическую категорию, для которой характерно: 1) наложение семантического включения на синтаксические отношения; 2) наличие структурообразующей связи, состоящей в последовательном вхождении одного содержания (А) в другое (В); 3) осуществление в ходе этого включения своего рода отчуждения некоторых свойств А или В и включение их в знак связи (С) – релятив. Релятив как знак с в я з и, включая в себя определенные свойства одного из компонентов, превращается в знак о т н о ш е н и я, а в целом в результате объединения компонентов отношения, основанного на проекционных свойствах сознания, создаётся новый фигурант когнитивно-релятивного поля –

Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1970.
Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig;
Wien; Zürich, 1993.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ИСПАНСКОМ ОБИХОДНОМ ДИСКУРСЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕЧЕВОГО ИДИОЭТНИЗМА

О.В. Федосова

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
педагогический университет
fedossova@yandex.ru

В последние десятилетия национально-культурная парадигма в исследовании языка и речи все больше привлекает интерес ученых-лингвистов, однако в основном научные изыскания лежат в плоскости исследования языковых картин мира и сосредоточены на изучении концептов (Н.Ф. Алефиренко, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, С.Г. Воркачев, Ю.С. Степанов) и фразеологизмов (Н.Ф. Алефиренко, В.Н. Телия) как наиболее репрезентативных с точки зрения культурной емкости единиц языка. Речевые проявления идиоэтнизма становятся объектом специального анализа гораздо реже, хотя признание того факта, что дискурс является «универсальным по сущности и смыслу» и «идиоэтническим по форме» (Кашкин В.Б., 2005: 339) давно уже не вызывает сомнений. Безусловно, существует глубинная двусторонняя связь между национально-культурной спецификой языковой картины мира и речевым идиоэтнолизмом, поскольку «язык есть «кристаллизованная» речемысль» (Савицкий В.М., 2006: 18), но национально-культурная компонента речи представлена не только функционированием культурно-емких языковых единиц как таковых, но также их относительной частотностью, критериями отбора и характером комбинирования в речи (Савицкий В.М., 2001; 2006).

Наилучшие условия для проявления речевого идиоэтнизма возникают в условиях обиходного дискурса, что детерминировано конститутивными чертами данной дискурсной разновидности, каковыми являются личностная ориентированность, преимущественно устная